

Сказ о наемнике, деде и драконе

Пролог

Много разных историй начинается в придорожном трактире. Чаще всего там они и заканчиваются. Бывает, заезжего купца, который много болтал и еще больше пил, подстерегут разбойники. Бывает, местные что-то не поделят, и тогда полетят зубы. Или, может, трактирщик захворает, а подменит его женоушка-красавица. Чаще всего случается все сразу: закончится одна история — и сразу начнется новая. Но моя история, хоть и начинается в одном обычном придорожном трактире, последствиями уходит далеко за его пределы.

...Это была очередная ночь моей привычной, отмеренной богами жизни. И свою жизнь видел я если не в гробу, то, по крайней мере, на дне кружки. Должен сказать, что я требовал у трактирщика хотя бы бочку, но тот качал своей лысой башкой и говорил, что с меня хватит. Я не сильно расстроился — это пойло стал бы пить разве что тролль, да и то с похмелья. Я же пил то, на что хватало монет. А их не хватало. Звонкие медяки перевелись еще на прошлой неделе, зато кошель был легкий и не привлекал лишнего внимания. Трактирщик знал меня давно, кружка разбавленной жижи в долг — обычное дело. И да, у тролля было больше шансов заработать на жизнь. Он сидит под мостом и жирует, грабя путников, — я же ношусь по лесам и вою волком с голоду.

Обычно я забредаю сюда по делу — например, договориться о поставках или послушать сплетни. Сегодня же мне нестерпимо хотелось напиться, поразмышлять о вечном и забыться в объятиях Анники. Но трактирщик, кажется, здоров и не сводит с меня глаз. Его краснощекая морда с хитрыми мелкими глазками напоминает мне о деньгах. Этот болван пробует на зуб каждую монету, а потом незаметно прячет в мешок с зерном. Он-то думает, что там искать никто не будет.

Я огляделся по сторонам, мельком посмотрел на сгрудившиеся мешки. Все было на своих местах; знать бы еще, в каком из мешков... Я взглянул на трактирщика, тот давно не смотрел в мою сторону. Его заинтересовали карты. Двое бродяг недалеко от меня шумно о чем-то спорили. Один размахивал картами перед носом другого и нес бессвязную пургу. Второй, видимо, был потрезвее, стучал кружкой и кричал, что больше не будет пить и отыграется. Ха, мне бы так. Пить на спор? Уж я бы и в карты проиграл, если б выпить дали.

Мне расхотелось пить ту муть, что была в моей кружке. Приглядевшись, я увидел в ней свое отражение. Небритое, косматое, расплывающееся кругами, но все-таки мое. Я продолжил осматривать трактир. Темновато. Но так оно лучше. Гори свечи и огонь очага ярче, сразу стало бы видно всю грязь. Пол, хрустящий под ногами, прожженный стол, не говоря уже о немых рожах завсегдатаев — физиономиях картежников и моей собственной — больше в это время здесь никого и не было.

Часы шли, и мне становилось безнадежно скучно, когда в дверях я вдруг заметил компанию не слишком добрых молодцев. Их я видел впервые, но оружие и сосредоточенные лица заставили меня напрячься. Они нерешительно топтались у порога и будто кого-то высматривали, изредка переговариваясь. Один держался поуверенней и направился к трактирщику. Высокий, плечи широкие, стрижка короткая, одежда новая: смесь стальных доспехов с легкими кожаными. Меч в аккуратных ножнах, но готов поспорить: разозлишь этого господина — и он им воспользуется. Он о чем-то говорит с трактирщиком. Трактирщик что-то поспешно объясняет, лебезит и, кажется, боится его. Незнакомец говорит медленно, без эмоций. Трактирщик кивает, пытается что-то сказать. Незнакомец пожимает плечами, тычет пальцем в трактирщика. Трактирщик замолкает,

обреченно смотрит на незваного гостя и неожиданно указывает на меня...

Так, дело плохо. У меня нет желания оставаться на вечерние посиделки. Двое из свиты так и остались стоять у дверей — мимо них мне точно не пройти. Еще один заговорил с бродягами — те сразу притихли. В трактире вообще стало тише. Дурной знак, пора уходить. Думать после этого пошла тяжело. Помню только, Анника говорила о каком-то тайном выходе. Проклятье, широкоплечий приближается. Как жаль, что сегодня ее нет, уж Анника точно бы выиграла мне немного времени.

Я отставляю кружку в сторону, встаю, стараясь не глядеть на широкоплечего. Поздно.

— Сядь, — произнес он.

Незнакомец покосился на ножны или мне только показалось?

— Сядь, — невозмутимо повторил он. Голос звучит уверенно, спорить не хочется. Возвращаюсь на место. — Ты Айгнар с верхней реки?

«Ну все, — мелькнула мысль. — Что им наплел этот трактирщик?..»

— Ага, спустился с гор, — процедил я.

— Хм, — усмехнулся широкоплечий.

Его испытующий взгляд и самоуверенность начинали раздражать.

— Тебе известно, на чьих землях ты охотился? — Он указал на знак, красующийся у него на груди. Знак походил на герб. — Ты знаешь, что на этих землях не охотятся, так?

Я молчал. Где-то я этот герб уже видел. Кот с совиной головой. Никак не вспомнить.

— Хорошо слышишь? — протянул он почти шепотом и приблизился. — Князь не любит, когда его правила нарушают, понимаешь?

Он нахмурился.

В глазах начало темнеть. Я отпил немного из кружки.

Князь, значит. Вот в чем дело. Княжеская дружина прижала трактирщика. Трактирщик плюнул на наш договор, понял, что своя шкура дороже, и сдал меня. Мысли запутывались еще больше, мое сосредоточенное лицо начинало забавлять дружинника. Он не стал скрывать улыбки.

— Слышишь, Айгнар... откуда ты там... с гор? Охота на княжеских землях карается.

— Трактирщик... скотина, — пробубнил я. Потянулся к кружке, но дружинник меня опередил, посмотрел на ее содержимое, поморщился и отставил в сторону.

— Что ты там говорил? — переспросил я, скорчив идиотское лицо.

Дружинник закатил глаза. Улучив момент, я с удивительной прытью оттолкнул стол. Кружка взметнулась вверх, разбрызгивая отвратительное пойло. Оттолкнув стражника, занимающегося бродягами, и показав кулак трактирщику, я рванул к распахнутой двери. В глазах двоилось, и сегодняшняя выпивка показалась мне вдвойне отвратительной. Уже будучи у выхода и ощущая свободу, я получил резкий толчок в грудь и упал навзничь под громкий хохот дружинников. «Глупо, очень глупо», — только успел подумать я.

Глава 1

Голова гудела, как чугунный котел, а тело ныло. Я силился вспомнить, что за бурную ночь пережил, но ничего особенного припомнить не удавалось. Я подивился, как быстро спустил все на выпивку. Мой и без того пустой кошель исчез. Ограбили? Я поискал охотничий нож, что запрятал в сапог на крайний случай. Я оказался босым. Ни ножа, ни сапог не было.

Привыкнуть к темноте удалось не сразу. Стало понятно: это точно не трактир. Ноги озябли, пол был жестким и холодным. В углу я заметил настил из соломы, перебрался туда, пытаюсь собраться с мыслями. Голова подкинула пару воспоминаний. Ярко вырисовывалось мое провальное бегство, грудь заболела сильнее. Вспомнилась довольная морда трактирщика, чтоб его...

Значит, теперь я узник. Именно. Плотные стены, дверь, на вид крепкая, и нечего выпить. Мне не удалось избавиться от странного гула. Что это? Словно шумит толпа. Орет громко, раз сквозь эти стены слышно. Поднявшись на ноги и приблизившись к двери, я прислушался. Звук усиливался. Что-то там происходит. Я подошел к двери, с силой толкнул. Ну конечно, ничего. Даже если попробовать с разбегу, результат будет тот же.

Я осмотрелся, было по-прежнему темно, но глаза привыкали. Слышал я от одного медвежатника, что в любой камере есть хитроумный механизм, открывающий дверь. Без сомнения, мерзавец лгал. Отчаявшись, я лег на свою новую постель из соломы и, устроившись поудобнее, принялся размышлять о том, почему все так повернулось. Мое ремесло напрямую связано с охотой. Кто бы мог подумать, что люди местного князька охотятся за мной. Я закрыл глаза. Мне привиделись леса, их свежесть и простор. Я беззвучно ступаю по травяному ковру, каменный пол исчез. В руках у меня лук. Помню, его я проиграл в карты одному негодяю. Тот жульничал, пряча тузы в рукаве. На мое замечание, что играет он не по правилам, двое громил вышвырнули меня за дверь. Да, не всегда было так...

Я перестал замечать, что лежу на колючей и вонючей соломе. Перед глазами восходит лесная чаща; эти леса точно не принадлежат никаким князьям, они старые и свободные. Солнце едва виднеется из-за горизонта, утренняя прохлада дышит в лицо. Я уже у цели, долгое

блуждание по следам, поиск его логова, но все не напрасно. Он близко. Охота на лерба дело не из легких. Свое убежище он обустроивает среди камней, ближе к дикой реке и подальше от людей. Оно и понятно, шкура лерба слишком ценная, а за его глаза не поспеет заплатить и придворный маг. Я в ожидании замираю — осторожность не помешает. В бою лерб свиреп и хитер, а обычно еще и чуток. Здесь он достанет меня в два прыжка, если я замешкаюсь хоть на миг. Однако меткая стрела настигнет его раньше. Я натягиваю тетиву, жду, когда биение моего сердца замедлится. Концентрация. Равномерный стук утихает, тишина заполняет уши, дыхание становится холодным и чужим. Пора... Резкий щелчок засова и протяжный лязг распахнувшейся двери. Лерб замечает меня, его светящиеся глаза сужаются, рев оглашает спящий лес.

Стражник без особой злобы пинает меня в бок. Видение развеивается утренней дымкой.

— Пошел, — говорит он, указывая на открытую дверь.

Едва я успеваю подняться, он толкает меня в спину. Я ковыляю по коридору, едва перебирая затекшими ногами. Из-за латных доспехов, в которые облачен вояка, он сам кажется неповоротливым и медлительным. Но я знаю, бежать глупо, впереди меня ждет еще один стражник, а может, и сразу несколько.

Каменные стены пахнут сыростью и плесенью. Гул никуда не исчез, наоборот, только усилился. Я начинаю понимать, что это не похмелье, а действительно гомон толпы. Я слышу смех, смешивающийся с дружным криком: «Убей!» До меня постепенно доходит. Я вижу свет. У ступеней, ведущих на поверхность, стоит еще один воин. У него безразличное и даже скучающее лицо. Он указывает вверх, не проронив ни слова. Я поднимаюсь по ступеням. Сперва они кажутся холодными, но чем дальше я поднимаюсь, тем жарче становится босым

ногам. Неожиданно яркий свет ослепляет меня, уши закладывает от крика.

Глава 2

Грохочет толпа, яркий свет слепит глаза. Раскаленная земля обжигает ноги. Самый разный люд собрался поглазеть на это зрелище: любопытные горожане, алчные торгошники, не стесняющиеся делать щедрые ставки, бродячие певцы, утратившие вдохновение. В стороне стоят неприметные, все как один похожие стражники. Сделаешь резкое движение — и лучники всадят стрелу между лопаток. Прижмешься к трибунам — и копейщики пронзят насквозь. Это арена — место, где льется кровь и венчается слава. Поле, где жизнь и смерть играют свою партию.

— Деритесь — и мир вас запомнит! Побеждайте — и обретете свободу! — разносится вой глашатая.

Солнце было безжалостно. Закрыв глаза, я провел рукой по лицу. Пот стекал по вискам, на губах я ощутил соль.

— Скоро он закончит, и станет еще жарче, — услышал я и получил толчок в бок.

Человек с глазами безумца и разбитым лицом стоял рядом со мной. От него несло хмелем, одежду тяжело было назвать даже лохмотьями. Он похлопал меня по плечу — на костяшках пальцев у него запеклась кровь.

— Живым я им не дам, — хихикнул он и снова толкнул меня.

— Живым ты им и так не нужен, — ответил я. — Считаю это публичной казнью.

Безумец оскалился, посмотрел на солнце и отошел в сторону.

— Это великая честь! — надрывался глашатай.

Я усмехнулся. Умереть в бою, а не быть вздернутым на суку? Что-то в этом есть.

— Идем, — раздалось позади меня.

Я обернулся. Двое бродяг показались из подземелья.

— Нет! — завопил один из них. — Я не хочу умирать!

Он замер, не решаясь подняться выше.

— Дурак! Хочешь мечом в спину получить?! Так лучше?

Второй покачал головой. Бродяги, морщась от солнца, показались на арене. Они были мне знакомы. Картежники, вспомнил я. Ночь в трактире тоже не прошла для них даром.

Один держался достойно — только глаза, сосредоточенно осматривающие арену, и сжатые кулаки выдавали в нем беспокойство. Другой, напротив, был напуган, что-то неразборчиво бормотал, стараясь не поднимать головы. Глядя на них, я пытался понять, что сам чувствую сейчас. Но времени не оставалось.

— Это суд, и каждому воздастся по заслугам! - глашатай закончил речь.

Боевой рог быстро утонул в криках толпы. Грохоча, отворились ворота, и все окончательно стихло. Звуки затухали, и арена смолкла, предвкушая кровь. Хотелось бы мне знать, что я чувствовал, стоя на разогретом солнцем песке, без оружия и какого-либо подобия брони. Однако в голове металась лишь одна мысль: охота началась.

Охота на лерба дело не из легких. Когда лерб охотится на тебя — дело приобретает смертельный исход. Стараясь не двигаться, я изучал ситуацию. Избавившись от оков, лерб не спешил нападать. «Смятение», — понял я. Лерб привыкает, он осматривается. Напряжение, редкое помахивание хвоста и внимательный взгляд совиных глаз. Лерб чувствует подвох.

— Боги, — прошептал бродяга, — что за чудище...

— Тихо, — шикнул другой.

Лерб продолжает смотреть. Мне кажется, что он тоже нас изучает. Его зрачки пульсируют, постоянно сужаются. Он начинает ходить кругами, но не решается подойти ближе. И это понятно: известно, что лерб не охотится днем. Пока солнце высоко, он скрывается в своем логове до наступления темноты. Я продолжаю стоять на месте, пока у нас есть шанс. Но я также знаю, что бой неизбежен. Стоит арене очнуться, когда рог протрубит свой клич, а неумная толпа вновь поднимет шум, лерб потеряет контроль.

Молчат... Я оборачиваюсь на своих спутников — они будто окаменели. Я всматриваюсь в лица трибуны — они бледны. Где-то я вижу растерянность, где-то удивление; смотрю на стражу — и вижу бахвальство. Разницы нет — все это признаки страха. Отхожу назад — несколько болезненных шагов, словно иду по солнцу. Отступать некуда. Я рискую напороться на пику, которой стражники без колебаний встретят меня. Оглянувшись, я понял, что ошибся. Неуверенность каплями пота проступает на лбу — стража скорее побросает оружие и бросится врассыпную, если лерб начнет действовать.

Зверь когтями впивается в потрескавшуюся землю, что-то его раздражает. Я осознаю это слишком поздно.

Глава 3

Мудрецы бы сказали, что есть в жизни события, начинающие свой ход по глупости. Их последствия не несут ничего хорошего, но зато ускоряют неизбежное. Мудрость на охоте не очень помогает, а вот выбить дурь бывает полезно. Для себя я понял, что опрометчивость — гнуснейшая и последняя ошибка охотника.

Наряженный в лохмотья безумец рванул к лербу, держа в руках подобие заточки. Пересекая арену, он орал примерно так же, как когда

лерб его заметил. Зверь подмял его под себя, и одного удара лапы хватило, чтобы прервать жизнь горемыки. Толпа загудела, словно пчелиный рой. Оказавшись в самом центре арены, лерб заметался в поисках укрытия. Единственным препятствием на его пути были мы. Скорость лерба высока — он без труда догонит самого быстрого жеребца. Один из картежников со всех ног побежал к воротам, откуда еще недавно выходил зверь. Чудом избежав когтистого удара, он приближался к выходу. Уже подбегая к воротам, он пошатнулся и, пройдя несколько шагов, рухнул. Из спины у него торчала стрела.

— Никому не дано покинуть арену без боя! — восклицает глашатай.

Рядом раздается сдавленный вопль. Второй картежник делает шаг вперед, сжатые кулаки дрожат. Лерб подходит все ближе, его буравящий взгляд наводит на дурные мысли. Стража позади нас попятилась и скрылась. Лязганье лат говорит о том, что они в спешке спускаются по лестнице. Оружие они не бросили, и я проклял выдержку этих воинов.

Посмотрев на лерба, я понял, что происходит. Его тело напряглось, совиные перья распушились, шаги стали легкими, почти крадущимися. Осознав, что случится дальше, я оттолкнул своего спутника и рухнул следом. Поднимая пыль, лерб оказался возле нас. Один такой прыжок, от которого я не успею уйти, — и охота будет окончена. Кашляя, картежник пытается подняться, но тут же возвращается на землю.

— Идем, — кричу я, но он меня словно не слышит. Его бьет дрожь, а смотрит он в пустоту.

— Ну давай! — вновь кричу я, протягивая руку.

Резкий удар отбрасывает меня. На губах я чувствую кровь, дышать тяжело. Рубашка разорвана, но мне повезло. Неподалеку распластался картежник, горло у него в крови. Зверь надвигается. Держась за грудь, я ковыляю к центру арены. Искореженное тело безумца вмято в землю,